

пад во многом попал, загнал себя именно в такую ловушку и в своих действиях исходит из того, что их модели либерального глобализма нет никакой альтернативы. А эта модель – будем называть вещи своими именами – является все тем же обновленным изданием неокOLONиализма, ничем иным, миром по-американски, миром для избранных, в котором права всех остальных попросту попираются. Наглядное подтверждение тому – судьба многих стран и народов Ближнего Востока, других регионов мира, а сегодня – и миллионов людей на Украине, которых Запад просто цинично использует как расходный материал в геополитических играх, в своих попытках «сдержать» Россию»⁷⁶.

Приведенные выше высказывания В.В. Путина, на наш взгляд, свидетельствуют о вызревании новой российской концептуальной модели глобального мироустройства, альтернативной неолиберальным установкам. Сегодня уже известны ее стратегические и ценностные контуры, представленные в проекте политики разумного консерватизма. Но каким образом данный проект сможет лечь в основание новой российской политики памяти – это большой вопрос.

I.2. Инфраструктура политики памяти

Настоящий раздел посвящен проблеме описания последовательно выстраиваемой инфраструктуры политики памяти в новых независимых государствах, появившихся после распада СССР на постсоциалистическом пространстве. Речь пойдет главным образом о странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Основные элементы инфраструктуры политики памяти

Для адекватного понимания феномена политики памяти необходимо обозначить основные элементы ее инфраструктуры, к которым относятся:

1) органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные), формирующие общий облик

⁷⁶ Владимир Путин поздравил сотрудников и ветеранов СВР со столетием нелегальной разведки, 30.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68790>

и стратегические установки национальных моделей политики памяти, особенности ее дискурса;

2) подчиненные государственным органам власти академические и образовательные институты, аналитические центры, которые разрабатывают идейно-теоретические основания и технологии для реализации политики памяти, осуществляют экспертную деятельность, готовят специалистов для пропагандистской и информационно-психологической работы с населением;

3) курируемые государством социально-политические институты и организации, занимающиеся проведением массовых коммеморативных практик (институты национальной памяти, мемориальные комплексы и музейные центры, ветеранские, молодежные, национально-патриотические и иные общественные организации);

4) многоотраслевая медиа-система (книгоиздательства, кинематограф, СМИ и социальные сети), обеспечивающая пропагандистское продвижение дискурса политики памяти; система законодательства, осуществляющая правовую легитимность политики памяти;

5) бюджетные и внебюджетные средства, составляющие материально-финансовую базу для осуществления разнообразных коммеморативных практик политики памяти;

6) законодательная база политики памяти.

Под политикой памяти, существующей на постсоциалистическом пространстве, мы подразумеваем систему отношений по поводу государственной власти, преследующей своей целью утвердить господство национальной (по форме) компрадорской (по объективному положению) олигархической буржуазии, выросшей из обуржуазившейся бывшей социалистической крупной бюрократии и чиновничества путем конструирования новой исторической политики. Именно отсюда берут начало антикоммунизм и ненависть к идеалам солидарности трудящихся, крайний антисоветизм, готовый опуститься до объявления всего советского периода истории СССР сплошным преступлением.

На первых порах политика памяти стран ЦВЕ очаровывала своих неофитов призывами «возвращения к исторической правде», «восстановления исторической справедливости», «каждая страна имеет право на национализацию собственной истории». Появлялись новые фигуры исследователей, экспертов, аналитиков, организовывались раз-

нообразные конференции, симпозиумы, круглые столы, при поддержке зарубежных фондов проводились конкурсы вузовских и школьных учебников. В постсоциалистические годы парламенты новых государств постоянно принимали законы об увековечении памяти того или иного события национальной истории, а также законы, преследующие граждан и организаций за отрицание официально заданных государством концептов и нарративов политики памяти. Правительства стран вместе с региональными и местными органами власти занимались созданием «топонимических» комиссий по поводу переименования населенных пунктов, улиц, сносу прежних и установлению новых памятников⁷⁷. Особый размах получила деятельность государственных органов власти, связанная с реализацией политического курса на декоммунизацию.

В качестве своей важной составляющей инфраструктура политики памяти включает деятельность различных общественных организаций, движений и объединений, которые либо оказывают свою поддержку, либо противостоят официальному курсу новой национальной политики памяти. Другим неотъемлемым компонентом инфраструктуры политики памяти является ее медиасфера, которая включает традиционные (печать, радио, телевидение, кинематограф) и электронные медиаресурсы. Производство и широкое распространение посредством массмедиа продуктов политики памяти постсоциалистических государств вместе с ее новыми мифами и фейками позволяет сформировать в массовом сознании устойчивые образы прошлого, отвечающие интересам правящей элиты.

Перейдем далее к краткому рассмотрению некоторых ключевых компонентов инфраструктуры политики памяти.

***Государственные организации:
политико-правовая легитимация
новой политики памяти***

Ведущая роль в процессах реализации политики памяти принадлежит государству и прежде всего государственно-му политико-правовому ее обеспечению. Основоположни-

⁷⁷ Бегер В. О пахарях на «поле истории». Каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории? 10.11.2010. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>

ками и первопроходцами в данной области стали французы со своими «мемориальными законами», а затем эстафету подхватила Польша: Польский Институт Национальной Памяти был создан в соответствии с Законом об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа от 18 декабря 1998 г.⁷⁸. Деятельность данного рода была взята на вооружение целым рядом других постсоветских государств⁷⁹. В 2015 г. Верховная рада Украины приняла закон, осуждающий нацистский и коммунистический тоталитарные режимы, запрещающий их пропаганду и публичную демонстрацию символики. Одной из главных позиций закона является признание коммунистического режима 1917–1991 гг. на Украине преступным, проводившим политику государственного террора. Затем Верховная рада приняла закон о правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX в., признающий таковыми все организации, которые боролись в XX столетии за независимость Украины, в том числе Украинскую повстанческую армию (УПА⁸⁰). Украинские ветераны ОУН–УПА⁸¹ указом Президента Украины В. Ющенко от 29 января 2010 г. были признаны воюющей стороной и борцами за независимость Украины.

Свой активный вклад в правовое оформление этой политики вносили центральные власти Украины и органы местного самоуправления. Процесс формирования «новой национальной памяти» вылился в непрерывную борьбу с памятниками, а также с советской топонимикой⁸².

⁷⁸ Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (IPN) [Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП)] (1998), см.: URL: <http://www.ipn.gov.pl/>

⁷⁹ См.: Положение об Украинском институте национальной памяти: Утверждено Постановлением Кабинета Министров Украины от 12 ноября 2014 года № 684 «Некоторые вопросы Украинского института национальной памяти». URL: <https://constitutions.ru/?p=20739>

⁸⁰ Организация, признанная в России экстремистской.

⁸¹ Организации, признанные в России экстремистскими.

⁸² Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей, 06.11.2014. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/1234360-kiev/>

Украинская законодательная власть открыла широкий простор для развертывания многолетней и масштабной по своему размаху кампания под названием «Голодомор»⁸³. Смысловой образ Голодомора, сконструированный посредством государственного дискурса, представляет собой сакрализованный канон публичных репрезентаций исторического события, выход за пределы которого считается отклонением от политической, правовой и моральной нормы, то есть проявлением гражданской ереси. Кроме того, Голодомор можно рассматривать в качестве символического капитала, который функционирует в пространствах идеологии, политики, культуры. Он выполняет роль «товара», продвигаемого государственными структурами на национальном и международных рынках⁸⁴. Культ Голодомора, сформировавшийся на Украине, является своеобразной гражданской религией с присущей ей сакральными образами, символами, ритуальными практиками, освещаемыми разными группами служителей данного культа⁸⁵.

Главный идейно-политический посыл огромного мемориального комплекса, посвященного Голодомору, по замыслу его создателей связан с решением задачи противодействия созданному в России мифа об Украине как части России, а также – с внушением иностранным гостям идеи о глубоких исторических корнях сопротивления Украины российской агрессивной политике.

Подобные процессы стали происходить в ряде государств, представляющих постсоветское пространство: В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжают избавляться от наименований, оставшихся от советского прошлого. С каждым годом все ошутимее изменяется топонимическая карта столицы данной республики⁸⁶. В одной из статей,

⁸³ Касьянов Г.В. «Голодомор» как субъект символической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 268–288.

⁸⁴ Там же. С. 269.

⁸⁵ Там же. С. 276.

⁸⁶ Волосевич А. Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц, 31.01.2008. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

написанной по данному поводу, были подведены некоторые итоги такой деятельности: «В общей сложности с момента объявления независимости и до начала 2005 г. в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это быть увековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало»⁸⁷.

Аналогичным образом усилиями государственной власти происходит процесс переозначивания символических пространств в республиках Таджикистан и Казахстан. Согласно правительственному информационному агентству «Ховар» в Таджикистане, «целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа»⁸⁸. Телеканал «Алматы» в Казахстане сообщал: «Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы. Новые названия получают 170 улиц, 50 из которых на сегодняшний день дублируются»⁸⁹.

В постсоветской России помимо топонимических переименований и сноса памятников, относящихся к советской эпохе, шли процессы, связанные с пересмотром личного состава пантеона героев путем зачисление в его ряды новых персон, сражавшихся с советской властью. Так, к примеру, при участии высокопоставленных представителей власти в стране были установлены памятники Колчаку, Врангелю, Каппелю и другим белым генералам. Была открыта памятная доска генералу Маннергейму в Санкт-Петербурге, коллаборационистам Краснову и Кононову. В Уфе в честь З. Валиди – участника создания эсэсовских

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ В Таджикистане переименовали последний город с русским названием Чкаловск, 02.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>

⁸⁹ Косенов А. Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы, 14.04.2014. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/

легионов (Туркестанского, Азербайджанского, «Идель-Урал») и боевой группы «Крым» – были названы улицы, а также университет и гимназия. Демонстративно была переименована ул. М. Фрунзе, невзирая на то, что Фрунзе, как известно, героически сражался с белогвардейцами и басмачеством, в одной из организации которых Валиди играл немаловажную роль.

Российская неолиберальная власть в своей коммеморативной политике достигла антисоветского апогея, когда для того, чтобы вычеркнуть из памяти собственного народа Великую Октябрьскую социалистическую революцию, изобрела два новых государственных праздника – День народного единства (4 ноября) и парад в честь годовщины парада войск, уходивших на фронт 7 ноября 1941 г.

Готовность отказаться от прежних нарративов, касающихся истории советского периода, в 2010 году привела к тому, что Государственная Дума, по сути, поставила СССР в один ряд с фашистской Германией, когда приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», в котором признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни был произведен согласно прямому указанию Сталина и других советских руководителей и является преступлением сталинского режима. Через два года ЕСПЧ классифицировал трагедию в Катыни как военное преступление. В итоге Польша, которую Советский Союз освободил от фашистских захватчиков, вдруг оказалась на ступеньку выше СССР, поскольку последний предстал в роли агрессора, уподобленный фашистскому режиму Гитлера. И сделано это было не Западом, а российской властью⁹⁰. Что же касается хорошо документированного польскими историками преступления – уничтожения 80 тыс. красноармейцев, попавших в плен в Польшу в 1920 г., – этого «европейской демократической стране» в вину никто не поставил.

Государственное правовое творчество, касающееся развития новой политики памяти, получает свое широкое применение в прибалтийских республиках. Так в Эстонии сразу после распада СССР была создана «Комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил» (ГКРРПОС), которая занялась подсчетом убытков, по-

⁹⁰ Кравченко Л. И. Ревизия победы, 08.09.2017. URL: <https://cont.ws/@sulakshin/609918>

несенных эстонцами от советской оккупации с целью получения материальной и денежной компенсации. В этой связи была издана «Белая книга Эстонии», в которой говорилось, что ущерб, нанесенный советской армией, эстонцы оценивают в 4 млрд \$⁹¹. В материалах Комиссии утверждается, что в результате развала Советским Союзом сельского хозяйства республики Эстонии был нанесен ущерб в 3 млрд руб. СССР был признан виновным в загрязнении поверхностных вод (ущерб – 20 млрд руб.), и грунтовых вод (ущерб – 60 млрд руб.). Изъятие Советским союзом у Эстонии сланцевых ресурсов для производства энергии специалисты Минюста оценили в 5–9 млрд руб. Ко всему прочему добавилось и неэффективное использование фосфорита (ущерб – 290 млн руб.).

Однако, если взглянуть на то, что Эстония получила от «оккупантов», то оказывается, что в советские годы в республике была создана первоклассная инфраструктура: за годы «советской оккупации» валовая продукция в промышленности возросла в 55 раз, объем капиталовложений – в 30 раз, урожайность и сборы зерновых увеличились вдвое. В республике в 1986 г. вступил в строй Новоталлинский морской порт (сейчас – Мууга). Его называли самым дорогим инфраструктурным проектом послевоенной Европы – стоимость порта оценивалась в 6 млрд \$⁹².

Одновременно с Эстонией другая прибалтийская республика, Латвия, потребовала от России 185 млрд евро – именно в такую сумму, якобы, обошлось стране вхождение в состав СССР⁹³. Однако, еще следует выяснить, кто на самом деле кому должен. По оценкам экономистов стоимость всех предприятий, больниц, школ, квартир и всего остального, что было построено в Латвии в советский период, составляет не менее 60 млрд \$. С учетом инфляции американской валюты с 1940 года, когда Латвия вошла в состав СССР

⁹¹ Вредина Н. Витрина социализма. Какое наследство получила Эстония от Советского Союза, 06.08.2019. URL: https://aif.ru/money/economy/vitrina_socializma_kakoe_nasledstvo_poluchila_estoniya_ot_sovetskogo_soyuza

⁹² Там же.

⁹³ Хованская А. Латвия требует 185 миллиардов евро за «советскую оккупацию». Но это кто еще кому должен? 18.04.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26518/3535083/>

и до момента распада Союза, данная сумма будет уже равна 200 млрд \$, что сопоставимо с нынешними претензиями страны к России в размере 185 млрд евро. Но с учетом того, что примерно 25% ВВП нынешней Латвии дают российские платежи за транзит по построенным в советские времена нефтепроводам. В связи с этим Россия вполне может выдвинуть встречные финансовые претензии к Латвии.

Следует также отметить, что в современной Латвии сложилась мощная инфраструктура, состоящая из целого ряда государственных и общественных организаций, проводящих в жизнь антисоветскую политику памяти. В её состав входят Латвийский институт истории, Конгресс историков Латвии, Общество по изучению оккупации Латвии (ОИОЛ), фонд «Малая библиотека истории Латвии», Центр документации последствий тоталитаризма при Бюро по защите Конституции, Военный музей Латвии, Музей оккупации Латвии. Еще в 1998 г. латвийский парламент принял особую разъясняющую декларацию «О латышских legionерах во второй мировой войне»⁹⁴, где указал, что все латышские эсэсовцы, как добровольцы, так и мобилизованные, были намерены лишь защитить Латвию от сталинского режима. В декларации особо подчеркивалось, что латышские эсэсовцы ни в коем случае не воевали против западных стран, но только исключительно против Советского Союза, из чего авторы документа делают практические выводы: «Поэтому обязанностью латвийского правительства является: 1) требовать от оккупировавших государств и их правопреемников, чтобы они согласно нормам международного права возместили гражданам Латвии, членам их семей и их наследникам убытки, понесенные в связи с противозаконной мобилизацией в армии оккупировавших государств; 2) заботиться о предотвращении попраания чести и достоинства латышских солдат в Латвии и за рубежом»⁹⁵.

Активно включились в процесс реализации установок новой политики памяти исполнительные и судебные органы власти. Была осуществлена прямая конвертация новых идей исторической памяти в практические формы государственно-политического преследования, к примеру, в виде люстраций.

⁹⁴ Декларация о латышских legionерах во Второй мировой войне (1998). URL: <https://www.nacionalaarpvieniba.lv/valodas>

⁹⁵ Там же.

Наиболее активно этим занялись специализированные организации в бывших социалистических государствах Центральной и Восточной Европы: в Чехии – это Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма, в Словакии – Институт национальной памяти, в Венгрии – Институт истории венгерской революции 1956 года, в Румынии – Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии, в Германии – Федеральный уполномоченный по Архивам Штази.

Массмедиа как медиатор официальной политики памяти

Инфраструктура политики памяти развивается в нескольких направлениях, в том числе путем широкого использования массмедиа⁹⁶ с их многообразными информационными технологиями. Система массмедиа как ключевой элемент любого информационного пространства рассматривается нами в качестве медиатора (посредника) между официальным дискурсом политики памяти и аудиторными группами, который формирует и выстраивает в заданном официальными кругами русле коллективную память широких масс населения.

Как медиатор политики памяти массмедиа формируют определенные способы интерпретации, оценивания и репрезентации прошлого, закрепляя в массовом сознании его устойчивые модели и образы, иницируя исторические дискуссии. Иначе говоря, в современном обществе развитие политики памяти совершенно невозможно без массового усвоения и воспроизводства медиатизированных нарративов, концептов и представлений о прошлом. Нет смысла создавать специализированные Центры и Институты политики памяти, если результаты работы ученых не будут спроецированы на массовое сознание в целях управления им нужном направлении. Любое учреждение новой памятной даты, если данный факт не будет растиражирован в средствах массовой информации, не получит должного общественного отклика.

⁹⁶ Массмедиа – понятие, включающее и традиционные СМИ (периодическую печать, радио, телевидение), и сетевые издания, и так называемые новые медиа.

Вместе с тем, вопрос о роли массмедиа в закреплении и продвижении в массовом сознании установок официальной политики памяти до сих пор очень слабо исследован в современной научной литературе. Сегодня мы можем назвать весьма немногочисленную группу авторов, которая так или иначе поднимала данный вопрос⁹⁷. О том, что существует серьезный пробел в области изучения массмедиа как важного инструмента продвижения существующих дискурсов политики памяти, а также в качестве информационно-просветительской площадки для проведения публичных дискуссий между экспертами, защищающими ту или иную версию прошлого, неоднократно поднимался известными, а также молодыми исследователями⁹⁸. Однако до сих пор дело продвинулось не на много, хотя некоторые продуктивные подходы к решению данной проблемы авторами указываются. К примеру, в статье одного молодого исследователя говорится о мощном потенциале современных медиа, вклю-

⁹⁷ *Миллер А.И.* Политика памяти и СМИ, 10.02.2017. URL: <http://analitikaru.ru/2018/02/10/politika-pamyati-i-smi/>; *Сафронова Ю.А.* Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: колл. моногр. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 376–390; *Олешко В.Ф., Олешко Е.В.* СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 470 с.; *Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С.* Управление прошлым и защита интересов государства // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 183–203; Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. / отв. ред. Янглева М.М. Москва: Фак. журналистики МГУ, 2019. 106 с.; *Zelizer B.* Journalism's media work // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning, S. Young. B. New York: De Gruyter, 2008. P. 379–388; *Garde-Hansen J.* Media and memory. Edinburgh: Edinburg Univ. Press, 2011. 184 p.; *Van Dijck J.* Mediatrd memories in the digital age / Ed. by M. Neiger, O. Meyers, T. Zandberg. New York: Palgrave Macmillan, 2011 и др.

⁹⁸ *Миллер А.И.* Политика памяти и СМИ; *Гнатченко А.И.* Влияние средств массовой информации на формирование исторической памяти населения // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 6 (84), ч. 2. С. 50–55 и др.

чая телевидение, для реализации просветительских целей в сфере получения исторических знаний, однако для этого следует решить ряд проблем: «Первая заключается в том, что просветительские телевизионные проекты значительно уступают по охвату и вовлеченности аудитории более популярным жанрам и направлениям... Вторая проблема является следствием первой... просветительские программы оттесняются на менее популярное время – утренние часы, ночное время будних дней и т.п. Третья проблема... заключается в планомерном ухудшении соответствующих проектов – руководство каналов меньше в них заинтересованы, осуществляется низкое бюджетирование, продукт реализуется на невысоком уровне и не отвечает требованиям современной аудитории. Таким образом программы о науке и... истории, будучи крайне важными для поддержания общественных и духовных ценностей, все же оказываются в слабой позиции в высококонкурентной рейтинговой среде». В итоге автор приходит к выводу, что историко-просветительское направление на отечественном телевидении нуждается в серьезном реформировании и качественном обновлении в соответствии с особенностями зрительского восприятия⁹⁹.

Укажем еще на одну важную проблему, которую надо решить в ближайшее время – формирование журналистских кадров, способных создавать и продвигать высококачественный историко-просветительский контент в современной медиасфере. Иначе говоря, нужны профессиональные кадры, способные эффективно работать в области медиатизации политики памяти.

Тем не менее, сегодня мы можем выделить определенный спектр тем, относящихся к изучению медийных средств формирования в массовом сознании представлений о прошлом, отвечающих установкам официальной политики памяти. В одной из статей, посвященных проблеме управления прошлым, отмечалось, что вопросами управления историческим прошлым сегодня занимаются представители самых разных профессий. Это – и известные тележурналисты, го-

⁹⁹ Колбасов С.А. Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 120–122. URL: <https://moluch.ru/archive/392/86480/>

товящие передачи на исторические темы с новой, актуальной трактовкой событий, и скромный муниципальный служащий, которому дано поручение сделать так, чтобы местный аэропорт «по требованию жителей» был назван в честь определенной исторической личности, и крупный ученый-педагог, пишущий важную программную статью о новой концепции исторического образования, и штатный сотрудник, к примеру, польского Института национальной памяти (ИНП), т.е. исторический полицейский, занятый не столько разработкой теории «двух оккупаций – нацистской, а затем советской», сколько функциями, более свойственными спецслужбам: составлением дел по уголовному преследованию за преступления против польского народа или проверкой прошлого людей, занимающих государственные должности¹⁰⁰.

Для нас предметная область управления прошлым полностью совпадает с идейно-стратегическими установками и формами практической реализации политики памяти, поскольку обе дисциплинарные области связаны с анализом способов конструирования, интерпретации и репрезентации прошлого, а также – с применением инструментов его запечатления в массовом сознании¹⁰¹.

При обращении к вопросу о массмедиа как о медиаторе официального дискурса политики памяти следует, на наш взгляд, учитывать, что обращенные к СМИ установки политики памяти, обычно носят двойственный характер: с одной стороны, они направлены на укрепление в массовом сознании особо значимых для официальной политики памяти *зон памяти* в отношении конкретных исторических событий, персон, институтов, мест, а, с другой стороны, нацелены на формирование *зон забвения*, связанных с использованием медийных процедур стирания из народной памяти определенных воспоминаний о прошлом.

Двойное назначение массмедиа в области продвижения в массовом сознании официальных установок политики памяти продемонстрируем на примерах медийного освещения темы Мюнхенского соглашения 1938 г. в западных СМИ.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Москва: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2005. С. 5–10; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти... С. 160.

Мюнхенское соглашение или как его называют в отечественной исторической литературе «Мюнхенский сговор» – один из ключевых событий, открывших дорогу ко Второй мировой войне. Более 80 лет назад 30 сентября 1938 г. на конференции глав правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини) было подписано соглашение о передаче гитлеровской Германии Судетской области Чехословакии. Именно это соглашение позволило серьезно упрочить позиции Германии на международной арене и в дальнейшем развязать Вторую мировую войну¹⁰². СССР призывал тогда Британию и Францию дать совместный отпор агрессору, но Лондон и Париж проигнорировали этот призыв Москвы.

Следует отметить, что большинство зарубежных СМИ в год 80-летия подписания Мюнхенского соглашения прореагировали на данное событие как на очередной информационный повод для внедрения в массовое сознание именно тех идей и формул общеевропейской политики памяти, которые отвечают интересам правящих элит. Понятие «Мюнхен» рассматривается европейскими СМИ не как символ исторической трагедии, а в качестве обычной переговорной истории. В итоге «из общественной памяти вымывается представление о Мюнхенском сговоре как о событии катастрофическом для мировой истории»¹⁰³.

Контент-анализ европейской прессы показывает, что европейские СМИ либо смягчают меру ответственности лидеров Великобритании, Франции, Германии и Италии за совершенное политическое преступление в виде расчленения Чехословакии, называя их поведение в Мюнхене «политикой умиротворения», либо перекалывают данную ответственность друг на друга. При этом весьма любопытно, что граждане современной Чехии, которая стала главной жертвой «политики умиротворения» оказываются лидерами по частоте запросов темы «Мюнхенский сговор» в системе *Google*.

Рассмотрим кратко особенности и способы медийного освещения Мюнхенской конференции 1938 г. в зару-

¹⁰² Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. / отв. ред. Янглева М.М. Москва: Фак. журналистики МГУ, 2019.

¹⁰³ Якова Т.С., Янглева М.М. Историческая память о Второй мировой войне: современный ментальный ландшафт Европы // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2652>

бежной прессе, получившей освещение в сборнике статей «Мюнхен-38 в массмедиа разных стран» (М., 2019) и в статье М.М. Янгляевой «Эхо Мюнхена», опубликованной в электронном журнале «История»¹⁰⁴.

Основными медийными источниками для авторов стали статьи, размещенные в британских периодических изданиях (*The Guardian*, *Mirror Herald*, *The Independent* и др.)¹⁰⁵, во французских СМИ (*Le Figaro*, *L'Humanité*, *Le monde diplomatique*)¹⁰⁶, в ежедневной итальянской газете *Il Giornale* («Иль Джорнале»), в общенациональной немецкой газете *Die Welt* («Ди Вельт»).

Так, в статье «Мюнхенское соглашение – архив, сентябрь 1938» (“The Munich Agreement – archive, September 1938”), размещенной на сайте газеты *The Guardian*, в центре внимания оказалось возвращение из Мюнхена Н. Чемберлена, который заявил публике, что привез ей мир. Автор, говоря о том, что слова Чемберлена были несправедливыми, тем не менее, не дает должной оценки его поведению, а быстро переходит к критике главного виновника происшедшего события – Гитлеру, который, якобы, пользуясь своей властью, подавил и обманул европейские державы и их лидеров.

Другая публикация «Мюнхенское соглашение: Выбор диктаторов Дьявола» (“Munich Agreement: The Choice of Evil Dictators”), размещенная на сайте *Mirror Herald*, начинается с фразы о том, что Мюнхенское соглашение было заключено с благой целью – избежать войны, но это, тем не менее, не оправдывает его участников. Данная статья, пожалуй, единственная из всей британской прессы, где говорится об унижительном положении Чехословакии, которую не допустили на переговоры, а лишь заставили подписать акт о передаче Судетской области Германии. В этой связи в статье несколько раз произносится выражение «мюнхенское предательство», упоминаются также Польша и Венгрия, принявшие участие в «бессовестном разделе Чехословакии».

¹⁰⁴ Янгляева М. Эхо Мюнхена // Историк. 2020. № 10. URL: <https://xn-h1aagokeh.xn-p1ai/posts/2020/10/13/eho-myunhena.html>

¹⁰⁵ Ушакова М.В. Мюнхен-1938 в британской прессе 2018 г. // Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. С. 56–60.

¹⁰⁶ Мишина Ю.О. Мюнхен-1938 во французских и франкоязычных СМИ 2018 г. // Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. С. 61–65.

Однако, высказанные в статье критические заявления принадлежат не автору, а группе профессиональных историков, на которых он ссылается.

В статье Д. Гиза «Новый ключ к поиску шпионских документов, которые загадочно исчезли после печально известного пакта Британии с Гитлером» («New clue in hunt for spy documents that mysteriously vanished after Britain's infamous pact with Hitler»), опубликованной в издании *The Independent*, сообщается, что в британских протоколах отсутствуют 1750 разведывательных отчетов, которые были созданы за четыре месяца до Мюнхенского сговора и за три после него. Редакция *The Independent* обнаружила, что до 1968 г. эти документы находились в центре правительственной связи, после чего никто их не видел. Никаких версий относительно данных сведений автор не выдвигает, а просто описывает историю захвата Чехословакии по хронологии. В заключение статьи он приходит к выводу, что ко Второй мировой войне мир привели Германия и Франция, хотя в статье практически отсутствуют материалы, говорящие об ответственности Н. Чемберлена за проведение политики «умиротворения» Гитлера¹⁰⁷.

Во французской прессе наших дней даются оправдания действий президента Э. Делады в Мюнхене, а основные акценты смещены в сторону обвинений Кремля за стремление во всем искать вину Запада. К примеру, в *Le Figaro* 19 сентября 2018 г. вышла статья «Москва ссылается на Мюнхенские соглашения, чтобы сделать выговор западным странам» («Moscou invoque les accords de Munich pour admonester les Occidentaux»), в которой автор вместо признания вины своей страны в разделе о Чехословакии выдвигает ответное обвинение Советскому Союзу в разделе, посвященном Литве, а также упрекает Кремль за то, что Москва «никогда не перестанет ворошить наследие Второй мировой войны, выбирая своей любимой мишенью Запад, особенно Европу»¹⁰⁸. Кроме того, автор статьи смещает фокус своего анализа от Мюнхена в сторону пакта Молотова-Риббентропа, заключенного почти на год позже, с целью возложения гораздо большей ответственности за развязывания мировой войны именно на СССР, а не на Францию и Британию.

¹⁰⁷ Ушакова М. В. Указ. соч. С. 59.

¹⁰⁸ Янглева М. Эхо Мюнхена.

Выводам Le Figaro вторит Le Monde diplomatique. По мнению издания, следствием Мюнхенских соглашений явился германо-советский пакт о ненападении, который, собственно, и стал подлинной прелюдией к началу Второй мировой войны.

Бывшая коммунистическая газета «Юманите» решила пойти другим путем, но результат оказался тот же – Франция невиновна. Так, в материалах «Вторая мировая война. Мюнхенские соглашения или капитуляция» (“Seconde guerre mondiale. Les Accords de Munich, ou la capitulation”) и «Мюнхенские соглашения: во имя пацифизма, рождение войны» (“Accords de Munich: au nom du pacifisme, la naissance d'une guerre”) при сравнении Даладье и Чемберлена о последнем говорится следующее: «Невилл Чемберлен был уверен в том, что он преуспел в сохранении мира»; «Чемберлен думал, что он принес мир «маленьким листком бумаги»; «Невилл Чемберлен помахал перед толпой подписанным соглашением, заявляя: «Фюрер – это человек, на которого можно рассчитывать, если он дал слово». Недальновидность британского премьер-министра противопоставляется ответственности премьер-министра Франции: «Даладье осознавал трагизм ситуации, но поступил единственно верным способом, в то время как Чемберлен преувеличил свое влияние на мировую ситуацию и не отдавал себе отчета в том, какой документ подписал». Предполагалось, что неуверенный, но ответственный Даладье должен был вызвать у современной аудитории бóльшую симпатию, чем Чемберлен.

Современная итальянская пресса также перекладывает всю вину на Чемберлена. Так, в статье «Пацифистский договор подарил Гитлеру половину Европы» (“Il patto pacifista di Monaco regalò a Hitler metà Europa”), опубликованной в Il Giornale, приводится историческая справка, в которой действия Франции и Великобритании называются «предательством союзника и жестом высокомерия», а Чехословакия обозначена понятием «беззащитное государство». Главный акцент статьи – критика действий Чемберлена, которого автор пытается принизить. Он рисует его образ на контрасте с образом Уинстона Черчилля, с которым связаны «волевые решения», «готовность к борьбе». В финале автор статьи проводит параллель между 1938 г. и многими современными событиями, которые могут обернуться такой же катастрофой, как и Мюнхен. Статья завершается

пафосной фразой: «Каждый день, на каждой широте создается новый Мюнхен, в котором может повториться решение Чемберлена». Об Италии и ее роли в этом событии ничего не сказано¹⁰⁹.

Современная немецкая пресса в 2018 г. тоже активно писала на тему Мюнхена, строила версии относительно того, как бы повернулась история, если бы экспансию Рейха удалось предотвратить. Так, общенациональная газета *Die Welt* опубликовала материал, в котором дается толкование событий с точки зрения «нераскрытой истории». Автор статьи – специалист по истории нацизма Свен Феликс Келлерхофф – анализирует эссе военного историка из Гамбурга Бернда Вегнера, который опирается на статью Ивана Пфаффа «Способы защиты Чехословакии в 1938 году без союзников». В основе статьи лежит следующее предположение: а что, если бы президент Чехословакии Эдвард Бенеш вопреки давлению со стороны Лондона и Парижа решил противостоять в военном отношении политике аннексии Германии? Цепочка домыслов насчет сопротивления Чехословакии привела автора к смелому заявлению о возможной отставке Гитлера. Помимо осуждения действий Чемберлена нелестными словами поминается и Иосиф Сталин. Речь о Сталине идет в контексте того, что неизвестно еще, как повел бы себя СССР, если бы Германия в 1938 г. решила напасть на него раньше, чем на Чехословакию. Автора интересует вопрос, обратился бы СССР за помощью к чехам или нет. Ответа на вопрос он не дает, однако при этом подчеркивает непредсказуемость советского вождя¹¹⁰.

На основе изучения зарубежной прессы, освещающей такое поворотное событие истории XX в., каким является Мюнхенский сговор 1938 г., можно сделать вывод о том, что западные массмедиа, ангажированные властными структурами, всегда стремятся высветить в положительном свете роль и значение правящих кругов собственной страны, перенеся при этом всю ответственность за допущенные ошибки на представителей других государств. К тому же для западных СМИ весьма характерен прием смещения акцентов в сторону известного стереотипа: во всем виновата Россия, и при этом неважно, о каком исторический периоде идет речь.

¹⁰⁹ Янглева М. Эхо Мюнхена.

¹¹⁰ Там же.

Основные выводы

1. В новой политике памяти безраздельно господствует именно *политика*, связанная с защитой вполне корыстных интересов неолиберальных элитарных групп, готовых привести любые исторические обоснования своего безраздельного политического и экономического господства. Новая политика памяти, создаваемая неолиберальной элитой, является орудием предъявления к СССР и к России целого комплекса идеологических, политических, экономических и территориальных претензий и требований: признать ответственность за развязывание Второй мировой войны, компенсировать экономический ущерб за «оккупации», вернуть «утраченные» территории, покаяться перед всем миром за «преступления сталинизма» и в перспективе прекратить существование в качестве суверенного государства.

2. Создаваемая неолиберальными властями инфраструктура новой политики памяти глубоко враждебна коренным интересам народов бывшего СССР. Только этим можно объяснить постоянные провалы данной политики при проведении различных акций. Однако этим опасности не исчерпываются: новая политика памяти враждебна также интересам мирового сообщества, поскольку обосновывает слом существующего крайне хрупкого политического миропорядка, достигнутого на основе соблюдения ялтинско-потсдамских соглашений, ведя дело к слому всей прежней системы международных отношений для обеспечения безоговорочного господства транснационального финансового капитала во главе с монополиями США¹¹¹.

3. Инфраструктуре новой политики памяти сегодня придаются разнообразные признаки респектабельности, солидности, научности и т.п. Однако постоянное скатывание к пропаганде политики антисоветизма, особенно при организации музеев и экспозиций, проведении юбилеев и других акций, выдает ее истинное предназначение в качестве орудия если не межнациональной ненависти, то, как минимум, национальной ограниченности.

¹¹¹ Ларина Е. Военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Видимая часть айсберга, 19.04.2015. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>